

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР Б. Г. РЕИЗОВА

4 ноября 1982 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) состоялось совместное заседание сектора новой русской литературы института и Кафедры зарубежных литератур Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, посвященное 80-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Б. Г. Рейзова. В этом заседании приняли участие более ста человек — научных работников, преподавателей, аспирантов Ленинграда.

Заседание открыл директор института академик А. С. Бушмин. В своем вступительном слове он сказал: «Мы собрались сегодня, чтобы почтить память доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР, члена-корреспондента АН СССР, лауреата Государственной премии СССР Бориса Георгиевича Рейзова в связи с исполнившимся 1 ноября 80-летием со дня его рождения. Б. Г. Рейзов — один из крупнейших знатоков и оригинальный исследователь истории западноевропейских литератур и русской классической литературы, видный специалист в области теории литературы и методологии литературоведения. Окончив в 1926 году филологический факультет Северо-Кавказского университета в Ростове-на-Дону, а затем в 1930 году аспирантуру в Ленинграде, Борис

Георгиевич в течение 50-ти лет занимался интенсивной творческой, педагогической и научно-организаторской деятельностью. 40 лет жизни он отдал Ленинградскому университету, где был одним из ведущих и самых почитаемых профессоров Кафедры зарубежных литератур, в течение многих лет (1958—1976) заведовал кафедрой и одновременно, в 1962—1969 годах, возглавлял филологический факультет. Б. Г. Рейзов был блестящим лектором, общительным человеком, талантливым и благожелательным воспитателем научной смены. Во многих вузах и научных институтах страны работают доктора и кандидаты наук, прошедшие непосредственную школу Бориса Георгиевича. На протяжении ряда лет Б. Г. Рейзов на общественных началах участвовал в деятельности Пушкинского Дома, а с января 1977 года стал штатным сотрудником сектора теоретических исследований. По его инициативе был задуман и в настоящее время осуществлен коллективный труд „Литература и живопись“ (1982). Б. Г. Рейзов — автор более 400 работ, в том числе 20 фундаментальных книг. Среди них — монографии о Бальзаке, Флобере, о французском историческом романе в эпоху романтизма, о французском романе XIX века, книги о творчестве Вальтера Скотта, об итальянской литературе XVIII

века, а также знаменитая трилогия о Стендале (1968—1978).¹ Велика роль Б. Г. Реизова и как автора вступительных статей, комментатора и редактора издававшихся у нас произведений классиков мировой литературы. Он принимал активное участие в подготовке издания „Библиотеки всемирной литературы“ в 200-х томах. Труды Бориса Георгиевича получили международное признание. Член Союза писателей СССР со дня его основания, Б. Г. Реизов в течение длительного времени входил в состав редакционной коллегии журнала „Звезда“. Он был даровитый и трудолюбивый исследователь, полный творческой энергии и инициативы в постановке и разработке важных научных проблем. Он самозабвенно отдавался избранному делу, вдохновляя своим примером других. Прошло более года, как Б. Г. Реизова нет среди нас. Он скончался 21 марта 1981 года.² Но для живых он навсегда останется живым своими превосходными трудами, вошедшими в основной фонд достижений советской и мировой науки.

Профессор Н. И. Соколов в докладе «Русская литература в трудах Б. Г. Реизова» отметил, что методологические основы изучения национальных литератур, их роли в мировом литературном процессе Б. Г. Реизов разносторонне осветил в статье «Об изучении литературы в современную эпоху» (1965). Вопросами развития русской литературы, ее связей с западно-европейскими литературами он занимался на протяжении всей своей научной и педагогической деятельности. Обширен круг русских писателей, интересовавших ученого. Первое место в его трудах занимают статьи о творчестве А. С. Пушкина («Понятие свободы у Пушкина», «Пушкин и Наполеон», «Пушкин, Тацит и „Борис Годунов“»). В них раскрыта многосторонняя связь поэта с развитием европейской исторической мысли и литературы, подчеркивается самобытный, национальный характер его творчества. В исследовании «Драматическая трилогия А. К. Толстого» большой интерес представляют параллели трилогии с творчеством Вальтера Скотта, Фридриха Шиллера, с романом Альфреда де Виньи «Сен-Мар». В «Заметках о Лермонтове» раскрыты широкие параллели стихотворений «Спор» и «Парус» в русской и мировой поэзии. Важное место в ряду работ ученого занимает цикл трудов о творчестве Ф. М. Достоевского («К вопросу о влиянии Диккенса на Достоевского», «„Преступление и наказание“ и проблемы европейской действительности», «„Униженные и оскор-

бленные“ Достоевского и проблемы зарубежной литературы» и др.). В них всесторонне обоснован следующий вывод: «Достоевский рассматривал историческую роль русского народа как синтез европейского развития, как разрешение национальных и общественных противоречий, раздирающих современное человечество». Труды Б. Г. Реизова о русской литературе — ценный и глубокий вклад в освещение ее многосторонних связей с мировым литературным процессом.

Профессор И. П. Володина в докладе «Б. Г. Реизов как исследователь итальянской литературы» подчеркнула, что всем работам ученого был присущ глубокий историзм, проявляющийся не только в исследовании быта и литературных форм, но главным образом в изучении общественного сознания и идейной борьбы эпохи. Так, например, в книге «Итальянская литература XVIII века» (1966) Б. Г. Реизов попытался восстановить реальный исторический облик эпохи Просвещения в Италии. Отвергая широко распространенный взгляд на литературу XVIII века как творение одиноких гениев и великих людей, непонятных современникам, ученый изучает творчество просветителей как выражение определенных потребностей времени, как борьбу, движение и развитие, которое обуславливает смену эпох, форм познания и литературных направлений. В монографии «Карло Гольдони» (1957) Б. Г. Реизов показал, что творчество крупнейшего драматурга XVIII века не взлет гения-одиночки, а закономерное явление в развитии литературы эпохи. Новатором показал себя Борис Георгиевич в изучении итальянского романтизма. Включая последний в сферу европейских духовных интересов, ученый отмечает значительное влияние на идеи романтиков не только английской и французской эмпирической и сенсуалистической философии XVIII — начала XIX века, но также и немецкой философии тождества, сыгравшей важную роль в формировании эстетической системы Л. ди Бреме и Дж. Леопарди. Изучая исторический роман и драму эпохи романтизма, Б. Г. Реизов показывает, что проблема интерпретации истории, имевшая важное значение и для итальянских романтиков, рассматривалась ими как закономерный процесс поступательного развития, а не просто смены эпох. Философия истории А. Мандзони имела своей задачей утвердить нравственный смысл истории, обнаружить закономерности в судьбе не отдельной личности, а в судьбах народов и государств. В статье «Итальянская новелла 1860—1914 гг.» Б. Г. Реизов прослеживает историю этого малого жанра на широком историко-литературном фоне от его истоков в эпоху Возрождения и до начала XX века. Завершают исследование Б. Г. Реизова по итальянской литературе статьи о Л. Пиранделло и восприятии его произведений в России.

¹ Подробнее см.: Список опубликованных работ чл.-корр. АН СССР проф. Б. Г. Реизова. — В кн.: История и современность в зарубежных литературных. Л., 1979, с. 7—17.

² См.: Памяти Бориса Георгиевича Реизова. — Русская литература, 1981, № 3, с. 216—218.

Доктор филол. наук В. П. Комарова (БАН АН СССР) в докладе «Б. Г. Рейзов и некоторые проблемы изучения английской литературы» показала, что интерес ученого к творчеству Вальтера Скотта связан с изучением исторических жанров в европейских литературах. Историзм Скотта проявился в правдивом изображении исторических событий, общественных движений и народных нравов, психологии целых социальных групп. Такие проблемы, как диалектика добра и зла в истории, соотношение политики и нравственности, роль национальных традиций в истории, являются центральными для романов Скотта. Б. Г. Рейзов показал, как в романах Вальтера Скотта судьбы самых незаметных персонажей и народных масс связаны с судьбой государства. Особенно существенной была для ученого проблема соотношения правды и вымысла в романах Скотта. Романист всегда остается историком, а его вымысел помогает передать глубокую правду истории, психологию тамплиеров, пуритан, католиков, и вместе с тем Скотт всегда был сыном своей страны и своей эпохи в изображении политических и этических конфликтов прошлого. Скотт не мог отстесниться беспристрастно, например, к якобинскому террору или к мировосприятию тамплиеров. Скотт заботился о воздействии своих произведений на читателей и обнаруживал в истории нравственный смысл: возмездие в конце концов всегда наступает злодеев. В трудах Б. Г. Рейзова, посвященных творчеству Вильяма Шекспира, рассматриваются преимущественно проблемы, связанные с восприятием Шекспира в позднейшие эпохи. Исследователь пришел к важнейшему методологическому выводу: во все эпохи Шекспир был орудием в общественной борьбе, так как его драмы — не только психологические, но и философские, исторические и социальные произведения.

Доцент Т. В. Соколова в докладе «Специфика романтического символа во французской литературе» рассказала о своих новых разысканиях, путь которых ей подсказал Б. Г. Рейзов своей книгой «Французская романтическая историография. 1815—1830» (1956). Б. Г. Рейзовым было отмечено и в некоторых аспектах проанализировано такое интересное явление французского романтизма, как «символический стиль». Вопрос о романтическом символизме включает и ряд неизученных аспектов, из которых в докладе рассматривается только один: специфика романтического символа по сравнению с классической аллегорией.

Романтический символ соединяет в себе, наряду с чертами, унаследованными от классической аллегии (двуплановость, объективность), и такие особенности, как конкретность и многозначность. В конкретности и объективности романтического символа реализуется характерный для поэтов романтизма интерес к изображению внешнего, вещественного мира,

преимущественно в зрительно воспринимаемом аспекте. Благодаря многозначности символический образ отличается большей глубиной, чем аллегорический, так как он не просто вводит в произведение ту или иную идею или явление, но подразумевает наличие определенной организующей их системы, «порядка вещей», т. е. определенной закономерности. Если аллегория подчиняется классическому стереотипу с его ориентацией на античные образцы, то романтический символ зависит только от оригинального художественного мышления автора, и это дает ему широкие возможности. Поэтому именно символ становится одним из жанрообразующих элементов философской поэмы романтизма, которую справедливо определять как поэму философско-символическую.

«Из истории русско-славянской мифологии» — так назывался доклад доктора филол. наук Ф. Я. Приймы, посвященный теме, близкой к области научных интересов Б. Г. Рейзова, — об образе Услава, бытовавшем в русской литературе XVIII—XIX веков. Эпоха сентиментализма, сказал докладчик, испытывала повышенную потребность в образе Услава, которого все руководство по отечественной мифологии называли общеславянским божеством пиршества и увеселений. Облеченный функциями древнегреческого Бахуса, Услад вошел в произведение М. М. Хераскова, Г. Р. Державина, М. Д. Чулкова, А. Х. Востокова. Позднее, в сочинениях В. А. Жуковского, В. Л. Пушкина, П. А. Вяземского, Ф. И. Глинки Услад освобождается от атрибутов божественной власти и низводится в разряд полупоэтических певцов Древней Руси. В отдельных же стихотворениях П. А. Катенина, Н. М. Языкова и А. С. Хомякова Услад наделяется качествами независимого от власти князей и господ певца, провидца и поэта-гражданина. В литературе эпохи реализма образ Услава постепенно сходит на нет. Н. Г. Чернышевский, И. С. Аксаков и другие критики характеризуют Услава как образ искусственный, созданный воображением сентименталистов. Окончательно же дискредитируется образ Услава в начале XX века, когда была установлена истинная причина его возникновения — ошибочное прочтение Сигизмундом Герберштейном летописного предания об учреждении князем Владимиром Святославичем пантеона языческих богов в Киеве: «Постави Перуна деревяна, а голова его серебряна, а ус злат». (Ипатьевская летопись, под 980 годом). В изданных впервые на латинском языке в 1549 году в Вене «Записках о московитских делах» Герберштейна летописное «ус злат» превратилось в собственное имя «Услад». В изданной в 1582 году в Крулевце на польском языке «Хронике» Матвея Стрыйковского это ошибочное прочтение было повторено и приукрашено. «Услад» перешел в «Синописис» Иннокентия Гизеля.

первое издание которого на русском языке увидело свет в 1674 году. Как первое учебное пособие по древнерусской истории, «Синописис» получил самое широкое распространение. На протяжении XVIII века в одном только Петербурге он выдержал около 20 изданий и оказал тем самым огромное воздействие на сознание русских читателей.

В докладе «Б. Г. Реизов как исследователь французской литературы» доктор филол. наук П. Р. Заборов сказал, что в центре внимания Б. Г. Реизова находились Стендаль, Бальзак, Флобер, Золя, а также де Сталь, Гюго, Мериме, Жорж Санд, писатели первого ряда. Однако ученый не пренебрегал и такими именами, как П. Борель, Ж. Жанен, Шанфлери, Дюранти, Мюрже. Чаще всего писатели второго и третьего рядов присутствовали в его трудах в качестве литературного фона. Вместе с тем исследователь не мыслил себе изучение французской литературы вне ее европейского окружения. В центре внимания автора книги «Французский исторический роман в эпоху романтизма» (1958) — Вальтер Скотт; Франция и немецкая литература — важнейший аспект книги Б. Г. Реизова «Между классицизмом и романтизмом: спор о драме в период первой империи» (1962); итальянская тема широко представлена в трилогии о Стендале. На протяжении всей творческой жизни Б. Г. Реизов тяготел к монографическому исследованию. Но он был также мастером лаконичных этюдов и заметок. Не прошел он мимо жанра публикаций, а иногда выступал и как рецензент. Его перу принадлежат многочисленные статьи, сопровождающие издания французских классиков, и примечания к ним. Намыслившим же его достижением в этой сфере филологического труда явилась подготовка совместно с профессором А. А. Смирновым пятнадцатитомного собрания сочинений Стендаля (1937—1949). В этом образцовом издании Б. Г. Реизов проявил себя и как одаренный переводчик. Разносторонняя деятельность Б. Г. Реизова, исследователя французской литературы, сыграла весьма счастливую роль в истории отечественной науки и культуры. Он расширил и углубил наше понимание французского XIX века, и прежде всего, французского романтизма и натурализма. Он стимулировал дальнейшую работу в этой области, способствовал духовному обогащению миллионов советских людей.

В докладе «Инонациональный контекст в изучении национальных литератур» доктор филол. наук К. И. Ровда отметил, что за последние десятилетия у нас много внимания уделяется системному изучению мировой литературы. Но всякая общность в большей или меньшей мере является абстракцией. Наиболее содержательная общность — это национальная литера-

тура. Ее неповторимость, индивидуальность характеризуется такой специфической особенностью, как национальный язык, присущий только ей одной, одному, породившему ее народу, тогда как мировая литература — это, в сущности, переводы. Все общности (мировая, региональная, зональная и др.), стоящие над национальной литературой, служат, в конечном счете, постижению всего богатства национальных литератур, богатства особенного, индивидуального, отдельного и вместе с тем общего. В ряду других ученых Б. Г. Реизов не только теоретически ставил эту проблему, но и блестяще показал пример конкретного изучения предмета в своих трудах, добиваясь поразительных результатов, в частности, в исследованиях по русской литературе (А. С. Пушкин, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский). В последнее время у нас и в социалистических странах появляются подспынные труды, среди которых можно назвать фундаментальный труд чешских литературоведов Р. Паролка и И. Гогаика «Ruská klasická literatura» (1977), коллективный труд в двух томах словацких ученых «Medzi literárny kontext slovenskej socialistickej literatury» (1977, 1980), сборник «Современная литература Чехословакии в контексте европейских социалистических стран» (1981) со статьями советских и чехословацких филологов. В издаваемой Пушкинским Домом четырехтомной «Истории русской литературы» отмечается, что русская литература «рассматривается в рамках мирового литературного процесса».³ Словом, как бы мы ни изучали закономерности развития мировой литературы, познать все ее многоцветье невозможно без учета национальных литератур. И наоборот, своеобразие национальных литератур непостижимо без связи с международным литературным контекстом. Такова диалектика литературно-теоретической мысли, таков сложный путь познания литературного развития человечества.

Вдова ученого Т. Л. Лапина-Реизова в своем кратком слове поблагодарила организаторов заседания, докладчиков и всех присутствующих за то, что они почтили память Б. Г. Реизова.

Участники заседания осмотрели выставку научных трудов Б. Г. Реизова, подготовленную в Большом конференц-зале института сотрудниками библиотеки ИРЛИ К. Ф. Ванягиной и Л. Г. Мироненко.

Ю. К. Бегунов

³ История русской литературы в 4-х т., т. I, Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980, с. 6.